

UDC 93/94

Triumph and Tragedy of People's Commissar A.V. Lunacharsky¹Tatiana V. Gryaznukhina²Alexander G. Gryaznukhin

¹Siberian Federal University, Russian Federation
660074, Krasnoyarsk, pr. Svobodny, 82 a
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: tag-kras@mail.ru

²Siberian Federal University, Russian Federation
660074, Krasnoyarsk, pr. Svobodny, 82 a
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: agagag@mail.ru

Abstract. This article examines different stages in the life of A.V. Lunacharsky that allow defining his activity as triumphal, and at the same time, tragic. It demonstrates how his personal qualities, high level of education and encyclopedic knowledge become the basis for his successful activity in the field of Soviet culture. The article analyzes Lunacharsky's relationship with bourgeois intellectuals, and focuses on contradictions in his world outlook. The article provides arguments in support of the opinion of impossibility to combine ideas of humanism that refuse violence in any form, with Bolshevik ideas that attempt to justify violence.

Keywords: A.V. Lunacharsky; V.I. Lenin; humanism; culture; intellectuals; Soviet Russia; Erasmus of Rotterdam.

Введение. При знакомстве с биографией и деятельностью Анатолия Васильевича Луначарского (1875–1933) невольно сопоставляются два понятия, определяющие и характеризующие его жизнь: «триумф» и «трагедия». Сравнение этих понятий встречается в художественных и научных произведениях; перу С. Цвейга, например, принадлежит романизованная биография «Триумф и трагедия Эразма Роттердамского» [1]. Триумфальной и трагичной была исудьба первого народного комиссара просвещения Советской России А.В. Луначарского, который в силу своих личностных качеств и высокого положения оказался ключевой фигурой в истории становления советской культуры. Не ставя целью сопоставление биографий двух выдающихся людей, можно, однако, отметить, что оба они жили в переломные моменты истории. Оба верили в то, что с помощью просвещения, образования, искусства и приобщения к культуре можно изменить духовный облик как отдельного человека, так и общества в целом.

Материалы и методы. Материалами для написания статьи стали статьи и письма А.В. Луначарского, документы советского периода, касающиеся взаимоотношений власти и художественной интеллигенции, произведения исследователей жизни и творчества первого наркома просвещения. Использован принцип историзма, позволивший проследить эволюцию предмета исследования в меняющихся исторических условиях. Применялись системный, сравнительный и персонально-биографический методы исследования.

Обсуждение. Разносторонность интересов и талантов Анатолия Васильевича поражает и восхищает. Его познания в философии, истории, музыке, театре, искусствоведении, литературе были глубоки и обширны. Кроме этого он много внимания уделял педагогической деятельности, был драматургом, выступал как литературный критик, занимался переводами. Полная библиография трудов, написанных им, составляет 4300 названий. А ведь по сути он даже не получил высшего образования. Всего около года продолжалось его обучение в Цюрихском университете, куда он поступил после окончания гимназии, не имея возможности попасть в российские университеты из-за своей политической неблагонадежности. Но за это время Анатолий Луначарский успел многое сделать: составил себе программу, изучая книги по философии, истории, социологии; слушал лекции по анатомии, физиологии, юриспруденции. Именно этот колоссальный фундамент знаний, полученных им в результате самообразования, стал основой для триумфальной деятельности А.В. Луначарского в области советской культуры. Например, как иначе, если не триумфальным, можно назвать его выступление в 1925 г. на торжественном заседании по поводу двухсотлетия Академии наук, где присутствовали иностранные делегации, известные ученые мира. Многие из них воспринимали современную Россию как страну варварскую, разрушившую наследие прошлого и неспособную создать ничего нового. Луначарский свою речь начал по-русски, затем свободно продолжил на немецком, французском, английском, итальянском языках и закончил классической латынью. Вряд ли кто-либо из тогдашних и нынешних министров просвещения Европы смог бы

плане эрудиции поспорить с Анатолием Васильевичем. Этот общеизвестный факт биографии Луначарского упоминается почти всегда, когда пишут или говорят о нем. Это происходит, видимо, потому, что это событие так эффектно и ярко продемонстрировало поистине гениальные способности Луначарского, которые производят впечатление и на наших современников. Признание со стороны Академии его «поистине изумительного диапазона образованности» и избрание его в 1930 г. действительным членом Академии наук так же являлось свидетельством триумфа его научной и просветительской деятельности [2].

Трагичной была вера обоих преобразователей, и Анатолия Луначарского, и Эразма Роттердамского в возможность нравственного перерождения человека, в возможность облагородить саму человеческую природу. Вера в то, что воспитывая нравственные чувства можно преобразить жизнь всего человечества, являлась их прекрасной, но утопической в определенных исторических обстоятельствах надеждой. И если средством для достижения своего идеала для Эразма являлись принципы гуманизма, от которых он не отступал до конца жизни, то для Луначарского этим средством являлись идеи марксизма, которые он пытался дополнить философией эмпириокритицизма. Увлечшись идеями Авенариуса и Маха в начале 1900-х гг., он пришел к философской теории богостроительства и признанию социализма в качестве новой религии. Подвергаясь жесткой критике со стороны В.И. Ленина, Луначарский оправдывался тем, что все это ради «благих намерений», облегчения распространения идей марксизма в народной среде. Зная о блестящем ораторском искусстве Луначарского, его энциклопедической образованности и умении привлекать на свою сторону людей, Ленин приложил немало усилий в борьбе за этого человека. Он нужен был вождем для достижения вполне определенных целей, а для этого необходимо было вернуть его в лоно марксизма. Именно благодаря авторитету А.В. Луначарского на сотрудничество с советской властью согласилась Академия наук. Будучи сам интеллигентным человеком, нарком смог найти соответствующий тон общения с академиками. В то тяжелое для советской власти время, когда подавляющая часть интеллигенции либо эмигрировала за границу, либо объявила бойкот новой власти, готовность Академии принять предложения наркома, можно воспринимать как его триумф и личную заслугу.

Для Луначарского В.И. Ленин был непререкаемым авторитетом. И Владимиру Ильичу удалось вернуть заблудшего товарища на позиции материализма и воинствующего атеизма. Резкой критике Луначарский подвергал религию в своих работах и выступлениях, отрекаясь от прежних взглядов. Считая религию орудием духовного угнетения масс, он утверждал, что в руках эксплуататорских классов, она является «превосходным средством одурманивания народа, представляя собой определенную социальную силу» [3]. Борьба двух мировоззрений, религиозного и атеистического, отразилась в публичных диспутах Анатолия Луначарского с митрополитом Александром Введенским. Пытаясь соединить религию с учением марксизма, Введенский, протестуя против социальной несправедливости, усматривал корень зла в том, что люди забыли о своем равенстве перед богом. Идеи равенства и братства лежали в основе учения Христа, который утверждал, что весь мир – это одна семья. И даже религиозное искусство «благодаря своим свойствам сакральности представляло устойчивую систему ценностей», в «русле которых осуществлялось требование постоянного морального и духовного совершенствования человека» [4]. Рассматривая религию в качестве всеобъемлющего фактора, Введенский считал, что в союзе с марксизмом она сможет преобразовать мир. Луначарский, со своей стороны, утверждал, что путь к братству указывает только марксизм и в этом его сила. Аргументировал он это тем, что религия, существуя тысячи лет, никого счастливым не сделала. Сегодня этот аргумент работает не в пользу позиции Луначарского, ведь и марксизм по разным причинам не смог создать общество, в котором царил бы всечеловеческое братство. Воинственно-атеистические заблуждения, господствовавшие в советском обществе и разделяемые Анатолием Васильевичем, трагическим образом сказались на развитии советской культуры. Личной его трагедией было бы осознание этого, проживи он несколько дольше.

Иначе повел себя Эразм Роттердамский, когда также оказавшись в центре религиозных распрей, храня верность гуманистическим идеалам, он не примкнул ни к католикам, ни к протестантам, желавшим воспользоваться его авторитетом. Превыше всего ценил свою независимость, которая давала ему возможность свободно писать, он оставался независимым до конца жизни. Луначарскому же не удалось отстоять свободу в своей деятельности. Признав истинность идей марксизма, он признал за социалистической революцией и право на преобразование общества в соответствии с этими идеями. Высшая же общечеловеческая идея гуманизма оказалась в плену идеологии классово-борьбы. Трагедия заключалась в том, что его высокие мечты о справедливом общественном строе, при котором творческие возможности человека могли бы развернуться во всем их свободном проявлении, неразрывно были связаны с революцией, которая оправдывала насилие и попиравала идеалы гуманизма. Луначарский верил, что в обществе будущего «освобожденный от чрезмерной трудовой повинности человек в часы свободы должен в гораздо большей мере развернуть творческую работу своего воображения, чем это было в какой бы то ни было другой эпохе», он надеялся, что при этом «вырастит... искусство более могучее, мужественное, знающее и правдивое, чем греческое, и в то же время не менее свежее, юное» [5]. Вся его жизнь была посвящена

претворению этой мечты в реальность. Вера в очищающую, преобразующую силу революции была настолько велика, что позволяла оправдать любые ущемления свободы.

Руководством в литературной деятельности для Луначарского стала статья Ленина «Партийная организация и партийная литература», которая содержала прямые указания партии по вопросам литературной политики. Следуя этим указаниям, Луначарский, как нарком просвещения, признавал партийность искусства в целом. Он утверждал, что если буржуазная партийность «калечила, портила, губила», то «наша партийность, входя в искусство, подымает его до высокого участия в переделке мира и человечества – то, о чем только может мечтать и должен мечтать каждый сознательный художник» [6]. Высоко ценя и отстаивая значимость искусства прошлых веков для современности, очевидно внутренне нарком затруднялся определить с точки зрения партийности наследие, оставшееся от буржуазной эпохи. А по поводу «высокого участия» нового искусства Александр Блок в 1921 г. говорил об отсутствии в нем свободы творчества. Об отношении новой власти к интеллигенции в своем дневнике поэт писал: «В Москве зверски выбрасывают из квартир массу жильцов – интеллигенцию, музыкантов, врачей и т. д.» [7]. Несколько месяцев власть не позволяла выехать поэту на лечение в Финляндию. Когда же, наконец, при участии Луначарского разрешение было получено, то было уже слишком поздно. Сама болезнь Блока, по свидетельству исследователя его творчества В. Орлова была следствием его душевных переживаний о судьбе все более притесняемой властью русской интеллигенции [8]. Писатель В. Вересаев писал том, что «общий стон стоит почти по всему фронту современной русской литературы. Мы не можем быть самими собою, нашу художественную совесть все время насилуют, наше творчество все больше становится двухэтажным, одно мы пишем для себя, другое – для печати». И если бы сейчас явился Достоевский, то и он вынужден был бы свои рукописи складывать в стол [9]. Вся печатная продукция находилась под контролем Госиздата, который являясь правительственным органом, подвергал жестким цензурным гонениям произведения многих писателей: М. Булгакова, Ф. Сологуба, М. Волошина, А. Ахматовой. Анатолий Васильевич не мог не знать об этом, так как вопросами театра, музыки, кинематографа, литературы и искусства занимался Народный комиссариат просвещения под его руководством. Также, как не мог он не читать составленную для него Всероссийским союзом писателей докладную записку, в которой сообщалось в частности о фактах переписывания писателями своих произведений в одном экземпляре и продаже их в таком виде в книжной лавке, так как другого способа общаться с читателем у них не было.

Трагизм положения Луначарского заключался в том, что партийная политика, проводимая в области культуры, не могла не противоречить его убеждениям относительно права на выбор и свободу творчества. Занимая свой высокий пост, он должен был выполнять все партийные решения, стремясь при этом более лояльно проводить их в жизнь, отстаивая интересы культуры. «Поэтому он выбрал гибкий курс в отношении беспартийной интеллигенции, ища пути взаимодействия с ней. С одной стороны, ему нужно было убедить членов правящей партии в большей терпимости к интеллигенции, а с другой – уговорить интеллигенцию помочь партии ликвидировать невежество и безграмотность» [10].

Уже впервые годы после революции Луначарского стали обвинять в том, что он защищает «барское добро». И наркому приходилось доказывать и объяснять, что рояль это не роскошь, а рабочий инструмент для музыканта. Используя все возможности, он пытался приостановить закрытие усадебных музеев. Определенное мужество потребовала от него борьба за сохранение Большого театра. В отсутствие Ленина на заседании Совнаркома Луначарский добился решения о сохранении театра. Это вызвало возмущение Ленина, нарком становится «обвиняемым», но ему все-таки удается переубедить вождя и отстоять театр. В письме к Ленину, приводя аргументы в пользу сохранения театра, он писал: «Я никаким образом не могу допустить, потому что я еще в здравом уме и твердой памяти, что, узнав эти обстоятельства, вы продолжали бы настаивать на закрытии Большого театра». Далее он высказывает претензию по поводу того, что «ЦК сплошь и рядом ставит вопросы Наркомпроса, не вызывая никого из нас, членов коллегии». Луначарский высказывает надежду, что «если законы конституции не распространяются на ЦК, то законы разумности, безусловно, распространяются» [11]. Его вопрос: «Как тут быть и кому жаловаться?» носил риторический характер. Уже в 1922 г. многие вопросы культуры решались за спиной наркома и помимо его воли. Нет прямых свидетельств об отношении Луначарского к проведенной ГПУ в 1922 г. акции, в результате которой за пределы России были высланы известные философы, литераторы, ученые. Целый пароход, который в истории получил название «философский», увозил за рубеж России лучших ее представителей. По уровню развития философии принято судить об интеллектуальном развитии нации в целом. Новая власть, возведя труды современных философов в ранг ереси, поспешила от них избавиться. Факт высылки ученых Анатолию Васильевичу, конечно же, был известен. Потерю, которую понесла в связи с этим вся российская культура, как человек высокообразованный и интеллигентный, Луначарский не мог не осознавать. Являясь истинным патриотом, он связывал рождение новой России с развитием ее культуры. Что он чувствовал в этой ситуации, на какой компромисс пошел со своей совестью и убеждениями, было известно только ему. Он не мог предполагать в 1922г. какие страшные времена ждут его родину впереди. Кто знает, пережили бы высланные философы роковой для истории нашей культуры 1937 год, ведь логика

расследования в то время была предельно проста: интеллигент - значит дворянин, дворянин - значит враг, враг - значит расстрел или лагерь.

Трагизм положения наркома заключался в том, что существовала большая разница между тем, как чувствуешь и понимаешь и тем, как нужно и должно делать. Луначарский был убежден, что отталкивать талантливых людей и относиться к ним пренебрежительно нельзя, их идейные заблуждения можно и нужно прощать, так как вклад, который они привносили в развитие культуры, выше и больше каких-либо идейных разногласий. О том, что это было действительно так, свидетельствуют его взаимоотношения с художником А. Бенуа. Высоко ценя его профессионализм как художника, эстета и знатока искусства, Луначарский до осени 1929 г., пока оставался наркомом, удерживал за А. Бенуа его должность заведующего картинной галереей в Эрмитаже. Дело в том, что в 1926 г. художник на время выехал за границу и в Россию уже не вернулся никогда. С позиции власти другом России назвать А. Бенуа было невозможно. И не трудно предположить, как негативно подобные факты биографии наркома сказались бы на его жизни, проживи он несколько дольше.

Вся послереволюционная деятельность А.В. Луначарского представляла собой непрерывную борьбу за интеллигенцию, в которой он видел спасение России и с которой связывал возможности культурного возрождения страны. Уже в 1919 г. он вместе с Каменевым и Горьким написал заявление в ЦК РКП(б) с просьбой «пересмотреть вопрос и дела арестованных во время последних массовых арестов профессоров и ученых» [12]. В воспоминаниях писателя Б. Зайцева говорится о том, что «положение Луначарского в революции оказалось довольно неудобным. Сам он был интеллигент и человек вовсе не кровавый, а попал в очень уж теплую компанию. «Они» не весьма его жаловали. Он старался смягчать, заступаться, поддерживать артистов, писателей, налаживать академические пайки. По этой части кое-что сделал, но в террор и казни смягчения никакого не внес» [13]. Сталинское руководство в конце 1920-х гг. имело уже определяющее влияние на проводимую культурную политику и придерживалось другой позиции в отношении интеллигенции. Все более очевидным становится для Луначарского, что далеко не всем его идеям и высоким устремлениям суждено реализоваться в жизни.

Рождение новой культуры Луначарский всегда связывал с рождением нового человека. Новый человек, по его мнению, это то «чудо», которое сейчас встречается крайне редко, чаще оно будет встречаться среди младших братьев и сестер и доминировать станет среди внуков. И это чудо рождения нового человека он неразрывно связывал с революцией. Она должна дать свободу творческой деятельности учителя, который в свою очередь будет способствовать появлению нового человека. Нарком просвещения считал, что главное для учителя это не умение давать знания, а научить учиться. Для этого учитель сам должен уметь самообразовываться. К педагогу, формирующему сознание человека новой эпохи, и требования должны быть самые высокие. Но после революции и гражданской войны проходили годы, аматериальная жизнь российского учительства продолжала вызывать беспокойство Луначарского. С горечью он писал и говорил о том, как голодный учитель, несмотря ни на что, выполняет свой долг. Просьбы же его о помощи педагогам вызывали лишь раздражение. Его речи о том, что успех индустриализации зависит от образованных, технически подготовленных кадров и поэтому экономить на образовании неуместно, не хотели слушать. Этот «остаточный принцип» действует и до сих пор, пагубность результатов которого мы видим, но выводов не делаем.

Принципиальным образом начинает расходиться позиция наркома относительно задач, стоящих перед системой образования с позицией сталинского руководства. Луначарский всегда утверждал, что культуру нового общества может создавать только человек всесторонне развитый и образованный и поэтому необходимо поднимать саму культуру труда. Сталин считал, что для выполнения насущных задач вполне достаточно подготовить узких специалистов. В жертву выгодам сегодняшнего дня, приносились интересы будущего. Формирование нового человека Луначарский неразрывно связывал со школой. Основой школы будущего, по его мнению, должно было стать ее самоуправление, в котором принимают участие старшеклассники, родители и педагоги. Только тогда из ее стен смогут выйти сильные, смелые и самостоятельные люди. Школьный коллектив ему представлялся не безликой однородной массой, а содружеством индивидуальностей, где каждый ребенок является личностью. Стадный человек, по его мнению, легко подвержен вождизму, он не умеет мыслить критически, ум его не умеет работать самостоятельно. Луначарский боролся до конца против невежества, за новую школу и нового человека. Но тучи все больше сгустились над его головой.

Несогласие Луначарского с тезисом о том, что по мере дальнейшего строительства социализма должно происходить обострение классовой борьбы также шло вразрез с линией партии. Он считал, что не принуждение, а убеждение должно стать основным методом привлечения на сторону нового строя. В письме к Сталину в 1929 г. нарком писал о «возмутительных выпадах по адресу НКПроса», далее он отмечал: «прибавлю только, что мы постоянно чувствуем такое стремление отдельных работников Агитпропа ЦК навязать нам какой-то правый уклон и недостаточную общественную чувствительность», — стремление, — стремление, которое мешает нашей работе и которое так же мало оправдывается» [14]. Вполне естественно, что все «стремления» согласовывались с высшим партийным руководством и лично со Сталиным.

Заключение. Луначарский с его пониманием того, как должна развиваться советская культура оказался за рамками программы, которой руководствовалась партия. Он явно плыл против течения. Видимо, осознание своего бессилия изменить что-либо побудило его обратиться с заявлением к Сталину о назначении полпредом в какую-либо страну. Сталин, проводивший политику отстранения от руководства в партии старейших ее членов, согласился с его просьбой. Но доехать до Испании, куда он был назначен послом, ему было не суждено. 26 декабря 1933г. Анатолий Васильевич умер в Ментоне (Франция). И как знать, может быть, судьба в этом проявила благосклонность к нему. Что было бы с ним, доживи он до конца 1930-х гг.? Революция, в которую он так верил, породила тоталитарный режим, жертвой которого он сам мог бы стать. Не спасли бы ни энциклопедические знания, ни двенадцатилетняя деятельность на пост у наркома просвещения, ни прочие многочисленные его заслуги. Искренняя вера в рождение человека новой эпохи шла вразрез с реалиями жизни. Трагичным было противоречивое устремление соединить две крайности: идеи гуманизма, отрицающие насилие в любых его проявлениях с идеями большевиков, оправдывающих его. «Гений» и «злодейство», гуманизм и насилие – это вещи несовместимые. Осознание того, что идеи, реализация которых являлась смыслом жизни, не могут воплотиться в жизнь при режиме, за утверждение которого боролся, могло явиться трагичным финалом его жизни.

Примечания:

1. Цвейг С. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского / С. Цвейг // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Романизированные биографии. Очерки / Примеч. Ф. Арского. М.: Худож. лит., 1984. С. 7-119.
2. Яковлева Т.С. Луначарский / Т.С. Яковлева. М.: Просвещение, 1991. С. 104.
3. Луначарский А.В. Почему нельзя верить в бога? / А.В. Луначарский. М.: Политиздат, 1965. С. 58.
4. Митасова С.А. Русское православное искусство: к проблеме культурологического исследования / С.А. Митасова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 5. С. 20.
5. Луначарский А.В. Собрание сочинений. В 8 т. / А.В. Луначарский. Т. 8. М.: Худож. лит., 1967. С. 243-244.
6. Трифонов Н.А. А.В. Луначарский и советская литература / Н.А. Трифонов. М.: Худож. лит., 1974. С.544.
7. Блок А.А. Дневник / А.А. Блок. М.: Сов. Россия, 1989. С. 346.
8. Орлов В. Гамаян. Жизнь Александра Блока / В. Орлов. Л.: Сов. писатель, 1980. 725 с.
9. Из докладной записки начальника Главлита П.И. Лебедева-Полянского в Оргбюро ЦК ВКП(б) о деятельности Главлита // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике, 1917-1953 / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. С. 72.
10. Власов В.А. Первый нарком просвещения: взгляд американского историка / В.А. Власов // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С.334.
11. Луначарский А.В. Письмо В.И. Ленину 13 января 1922 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике, 1917-1953 / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. С. 33.
12. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике, 1917-1953 / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. С. 13-14.
13. Смирнова С.Т. Зарисовки к портрету А.В. Луначарского: по свидетельствам современников / С.Т. Смирнова // Вестник Ивановского государственного университета. 2011. № 4. С.85.
14. Луначарский А.В. Письмо И.В. Сталину 12 февраля 1929 г. / Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике, 1917-1953 / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. С. 109.

References:

1. Tsveig S. Triumph I tragediya Erazma Rotterdamskogo / S. Tsveig // Sbranie sochinenii. V 4 t. T. 4. Romanizirovannye biografii. Ocherki / Primech. F. Arskogo. M.: Khudozh. lit., 1984. S. 7-119.
2. Yakovleva T.S. Lunacharskii / T.S. Yakovleva. M.: Prosveshchenie, 1991. S. 104.
3. Lunacharskii A.V. Pochemunel'zyaverit' v boga? / A.V. Lunacharskii. M.: Politizdat, 1965. S. 58.
4. Mitsova S.A. Russkoe pravoslavnoe iskusstvo: k problem kul'turologicheskogo issledovaniya/ S.A. Mitsova // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 5. S. 20.
5. Lunacharskii A.V. Sbranie sochinenii. V 8 t. / A.V. Lunacharskii. T. 8. M.: Khudozh. lit., 1967. S. 243-244.
6. Trifonov N.A. A.V. Lunacharskii I sovetskaya literatura / N.A. Trifonov. M.: Khudozh. lit., 1974. S.544.
7. Blok A.A. Dnevnik / A.A. Blok. M.: Sov. Rossiya, 1989. S. 346.
8. Orlov V. Gamayun. Zhizn' Aleksandra Bloka / V. Orlov. L.: Sov. pisatel', 1980. 725 s.
9. Iz dokladnoi zapiski nachal'nika Glavlita P.I. Lebedeva-Polyanskogo v Orgbyuro TsKVKP(b) o deyatel'nosti Glavlita // Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya. Dokumenty TsKRKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kulturnoi politike, 1917-1953 / Pod red. A.N. Yakovleva. M.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 2002. S. 72.
10. Vlasov V.A. Pervyi narkom prosveshcheniya: vzglyad amerikanskogo istorika/ V.A. Vlasov // Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. 2011. № 23. S. 334.
11. Lunacharskii A.V. Pis'mo V.I. Leninu 13 yanvara 1922 g. // Vlast' i khudozhestvenna yaintelligentsiya. DokumentyTsKRKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoipolitike, 1917-1953 / Pod red. A.N. Yakovleva. M.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 2002. S. 33.
12. Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya. DokumentyTsKRKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoipolitike, 1917-1953 / Pod red. A.N. Yakovleva. M.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 2002. S. 13-14.
13. Smirnova S.T. Zarisovki k portretu A.V. Lunacharskogo: posvidetel'stvamsovremennikov / S.T. Smirnova // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 4. S. 85.

14. Lunacharskii A.V. Pis'mo I.V. Stalinu 12 fevralya 1929 g. / Vlast' ikhudozhestvennayaintelligentsiya. Dokumenty TsKRKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoipolitike, 1917 – 1953 / Pod red. A.N. Yakovleva. M.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 2002. S. 109.

УДК 93/94

Триумф и трагедия наркома А.В. Луначарского

¹Татьяна Владимировна Грязнухина

²Александр Григорьевич Грязнухин

¹Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82 а

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: tag-kras@mail.ru

²Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82 а

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: agagag@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются этапы жизни А.В. Луначарского, позволяющие определить его деятельность как триумфальной в то же время трагическую. Показано как личностные качества, высокий уровень образованности, энциклопедические знания становятся основой для его триумфальной деятельности в области советской культуры. Проанализированы взаимоотношения А.В. Луначарского с буржуазной интеллигенцией, показаны противоречия его мировоззрения. Обосновывается мнение о невозможности соединить идеи гуманизма, отрицающие насилие в любых проявлениях с идеями большевиков, оправдывающих его.

Ключевые слова: А.В. Луначарский; В.И. Ленин; гуманизм; культура; интеллигенция; советская Россия; Эразм Роттердамский.